

Анна Шилд
Ада Огнева

УКРОЩЕНИЕ БОССА

18+

Ада Огнева
Анна Шилд
Укрощение босса

<https://litres.ru/74515559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Багров привык получать всё. Но заказной скандал грозит обрушить его холдинг, и теперь ему нужна безупречная невеста для публичного алиби. Камилла Барская — княжна, историк искусства и руководитель его протокола — не собирается продавать личную жизнь. Ради спасения матери ей всё-таки приходится принять контракт. Под камерами они играют влюблённых, за закрытыми дверями выясняют, кто кому вправе приказывать. Багров рассчитывал купить удобную роль. Камилла намерена сохранить себя. Только ни один из них не предусмотрел, что однажды притворяться придётся уже не перед публикой, а друг перед другом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	57
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Анна Шилд

Укрощение босса

Укрощение босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Панорамное стекло шестидесятого этажа башни «Багров Плаза» тихо вибрировало от порывов штормового ветра. За ним клубилась свинцовая, вспененная мгла: Москва тонула в низких октябрьских облаках, и шпиль небоскреба то и дело разрезал их рваные, набухшие ледяной моросью животы. Внизу, в двухстах пятидесяти метрах под ними, ползли бесконечные цепочки фар Третьего транспортного кольца, похожие на лениво пульсирующие артерии больного исполина.

Илья Багров не смотрел вниз. Он шагал по полированному черному граниту своего кабинета, и каждый его шаг отдавался в тишине тяжелым стуком подошв оксфордов из плотной телячьей кожи.

Пиджак от итальянского костюма-тройки валялся на низком диване. Тончайший египетский хлопок белой рубашки был натянут на широких, как у тяжеловеса, плечах; две верхние пуговицы были расстегнуты, обнажая мощную шею. Темная двухдневная щетина жестко очерчивала челюсть, высеченную словно из гранитной плиты. Желваки на скулах ходили с мерным ритмом. В воздухе стояла смесь ароматов: горький эспрессо, терпкий бергамот селективного одеколона, холодный озон кондиционеров и едкий дух кубинского табака, который Багров курил прямо здесь, демонстративно игнорируя запреты.

На стене напротив гигантского рабочего стола горели три

монитора. На левом котиловки холдинга «Багров Групп» стремительно валились в пропасть: минус семь целых четыре десятых процента за сорок минут торгов. На правом крутился сюжет скандального таблоида «VIP-Truth»: размытая съемка из вип-ложи ночного клуба «Монтана», силуэт мужчины с широкими плечами над плачущей полураздетой блондинкой и желтый титр: «КРОВАВЫЙ ДЕБОШ ДЕВЕЛОПЕРА: БАГРОВ ИЗБИЛ И ИЗНАСИЛОВАЛ МОДЕЛЬ?»

— Экспертиза видео закончена, — низкий голос начальника службы безопасности Савелия разрезал гул вентиляции. Бывший майор спецназа с водянистыми глазами стоял у двери. — Монтаж грамотный. Морфометрия плеч совпадает, лицо затемнено шумами. Заказчик — холдинг «Снегирев Медиа». Личная месть Регины Снегиревой. Вброшено через двенадцать телеграм-сеток в четыре утра.

— Инвесторы? — бросил Багров, не оборачиваясь. Голос звучал густо, с опасной рокошущей хрипотцой.

— Лорд Блэквуд прислал уведомление двадцать минут назад. «North-Sea Capital» активировал пункт о репутационном риске. Финансирование второй очереди «Багров Плаза» заморожено. Пятьдесят миллиардов рублей зависли. У нас трое суток, Илья Константинович. Если до десяти утра четверга мы не предоставим неопровержимое алиби, консорциум аннулирует протокол и заберет гарантийный депозит в два миллиарда.

— Алиби, — Багров развернулся. Глаза цвета балтийского льда сузились. — Регина знала, куда бьет. Она знала, что в ночь на субботу я был один на охотничьей заимке на Верхней Волге. Без охраны, без телефонов. Заявить, что я чистил карабин в лесной глуши — сказка для дураков.

— Есть второй путь. — Савелий закрыл биржевую сводку тонкими папками. — В среду вечером — Благотворительный бал Губернатора. Там будут совет директоров консорциума и пресса. Если вы появитесь под руку с женщиной безупречного происхождения и объявите о помолвке, заявив, что всю ночь скандала провели вместе в закрытом ювелирном бутике, выбирая фамильные драгоценности — удар нейтрализуется. Блэквуд выслушает ее. Выиграем время до экспертизы оригинальной съемки; одной помолвкой обвинение не снять.

Багров оперся кулаками о стол и брезгливо оттолкнул веер модельных анкет:

— Кто это? Куклы из агентств Регины? Каждая сольет черновик договора первому таблоиду. Мне не нужна содержанка, Савелий. Мне нужна женщина, к которой ни одна собака не посмеет прикоснуться даже взглядом. Порода. Фамилия. Железная выдержка.

Савелий положил перед ним темно-синюю папку со скромным тиснением: «Служба протокола».

— Барская Камилла Евгеньевна. Двадцать четыре года. Княжеский род Барских, боковая ветвь Рюриковичей. Отец

погиб в автокатастрофе. Мать, Елена Павловна, тяжело больна, обширный инфаркт, живет на нитроглицерине.

Багров приподнял бровь:

— Она работает у меня?

— Два года возглавляет наш протокол. Красный диплом МГУ, отделение истории искусств, три языка. Безупречная биография: никаких клубов, никаких сомнительных связей. В высшем свете ее знают с детства. Для инвесторов фамилия Барских — абсолютный знак качества.

Илья открыл папку. С фотографии три на четыре на него смотрело лицо с фарфоровой кожей, прямой нос с породистой горбинкой, строго сжатые губы теплого кораллового оттенка и огромные, миндалевидные медово-карие глаза с золотыми искрами гордости. Густые пепельно-каштановые волосы были стянуты в строгий узел.

Что-то тяжелое шевельнулось под ребрами Багрова — первобытный инстинкт охотника, почуявшего равного зверя.

— Пригласи ее, — приказал он. — И оставь нас.

Спустя минуту в дверь дважды постучали — так стучали перед началом совещаний. В кабинет вошла Камилла Барская.

Она двигалась с балетной грацией. На ней был строгий графитовый брючный костюм, облегавший узкую талию, белоснежная шелковая блузка с воротником-стойкой под горло и лодочки на среднем каблуке. В руках — планшет в чехле из сафьяновой кожи. Вместе с ней в прокуренный воздух

ворвался тонкий аромат белого жасмина, ириса и зеленого чая.

— Доброе утро, Илья Константинович, — ее чистый голос прозвучал с хрустальной прохладой. — График британской делегации скорректирован...

— Оставь планшет, Барская, — перебил Багров.

Он стоял у стола, нависая над пространством своей громадой. Стальные глаза в упор сканировали ее тонкую фигуру. Камилла встретила взгляд прямо.

— Что-то случилось с протоколом?

— С протоколом всё отлично. Случилось со мной, — Багров криво усмехнулся и швырнул через полированный гранит договор на гербовой бумаге. Листы зашуршали, остановившись у ее руки. — Читай. Твой новый контракт на девятьно дней.

Камилла опустила взгляд на строчки договора. «СОГЛАШЕНИЕ О СОВМЕСТНОМ ПРОЖИВАНИИ... Сторона 1 принимает обязательства официальной невесты... круглосуточное нахождение в резиденции... демонстрация физической близости и прикосновений под прицелом СМИ...»

Она медленно подняла голову. Ее фарфоровое лицо побледнело, но в глазах полыхнул обжигающий огонь.

— Что это за мерзость, Илья Константинович?

— Твое повышение, Барская, — хмыкнул Багров, делая шаг вокруг стола. — В прессе заказной компромат. Сделка на пятьдесят миллиардов горит. Мне нужно алиби на суббо-

ту. Мы объявим, что провели ночь вместе, выбирая кольцо. В среду на губернаторском балу ты выйдешь со мной под руку перед камерами. Твой гонорар — двадцать миллионов рублей. Десять сегодня, десять в день закрытия сделки. Плюс платья, драгоценности, охрана.

Камилла отдернула пальцы от бумаг, словно от ядовитой змеи. Затем взяла договор, сложила пополам и с глухим звуком бросила в центр стола Багрова.

— Вы ошиблись дверью, господин Багров. Я руковожу вашей службой протокола, а не агентством эскорта.

— Что ты сказала? — глаза Багрова потемнели до цвета антрацита.

— То, что слышали, — Камилла сделала шаг вперед. Ее подбородок взметнулся, ноздри трепетали. — Мой род насчитывает четыреста лет дворянского служения. Мой прадед строил консерватории, а не торговал честью фамилии на панинели. Ваши миллиарды позволяют покупать заводы и содержание в VIP-ложи. Но купить меня они не могут. Ищите девушку в тех притонах, где привыкли ночевать. Честь не продается ни за двадцать, ни за двести миллионов.

В кабинете повисла мертвая тишина. Ни один человек за все тридцать три года жизни Багрова не смел говорить с ним таким тоном.

Багров обошел стол. Камилла успела попятиться всего на шаг. Тяжелая мужская ладонь легла ей на талию, сминая ткань жакета, и единым рывком впечатала ее тело в гранит-

ную кромку демонстрационной стойки. Планшет с грохотом выскользнул из ее пальцев на ковер.

Багров навис над ней, уперев вторую руку в камень у ее бедра. Он запер ее в железный капкан. Камилла оказалась прижата спиной к холодному граниту, но грудь ее упиралась в хлопок его рубашки. Она чувствовала мощные удары его сердца, ощущала кожей обжигающий жар его дыхания с нотами табака и кардамона.

— Ты забываешься, девочка, — его голос упал до утробного шепота, от которого задрожал воздух. — Ты работаешь на меня. Твой статус, твоя зарплата, твое право дышать в этом городе существуют, пока я позволяю. Я не прошу дважды, Барская. Я беру то, что мне нужно.

Камилла задыхалась от близости его губ, от сокрушительной силы зверя, но страх не сломал ее:

— Так увольте меня! Вышвырните на улицу прямо сейчас! Но на колени я перед вами не встану. И улыбаться вашим камерам не буду. Никогда.

Багров смотрел на нее сверху вниз. В его прищуре вспыхнуло темное пламя — бешенство и дикое, хищное влечение к этой непокорной гордячке.

— Мы еще вернемся к этому, птичка, — хрипло выдохнул он, сжимая ее талию до боли. — Ты сама будешь умолять забрать эти деньги.

В этот миг в кармане ее жакета раздалась истошная трель телефонного звонка. Мелодия визжала настойчиво.

— Ответь, — усмехнулся Багров, не выпуская ее. — Пусть услышат, как сбилось твоё дыхание.

Камилла дрожащей рукой вытащила телефон. На экране горело: «Мама».

Она нажала прием, прижимая трубку к уху:

— Мама?

Из динамика на всю тишину кабинета вырвался панический женский плач, звон битого стекла и грохот ударов:

— Камила! Помоги! Господи, они всё крушат!

— Слышь, принцесса! — перебил плач хриплый бас бандита. — Если через двадцать минут пятнадцать лямов по расписке твоего хахаля Воронова не будут здесь наличными — твоя матушка отправится в морг, а картины деда сгорят на тротуаре! Время пошло!

Звук сокрушительного удара, стон матери и короткие гудки.

Камилла замерла. Кровь отлила от ее лица. Телефон выпал из онемевших пальцев, ударившись о ковер. Колени подогнулись, но рука Багрова мгновенно перехватила ее под лопатки.

— Воронов... — сорвался с ее белых губ шепот. — Боже, мама... У нее же сердце...

Багров мгновенно переменялся в лице. Вальяжность исчезла, уступив место предельной боевой собранности.

Он поставил ее на ноги, поднял телефон с ковра и сунул ей в карман жакета. Затем нажал клавишу селектора:

— Савелий. Броневи́к вниз. Группу быстрого реагирования — на двух внедорожниках в хвост. Полная боевая готовность. Адрес — Малая Никитская, галерея Барских. У нас двенадцать минут. Пошли!

Глава 2

Тяжелый бронированный кортеж летел по улицам столицы, взрезая плотный осенний поток сиренами и стробоскопами сопровождения. Дождь хлестал в лобовое стекло, дворники метались в бешеном ритме. Камилла сидела на переднем кожаном сиденье внедорожника охраны, вцепившись побелевшими пальцами в поручень над дверью. Ее губы беззвучно шевелились, повторяя одно-единственное слово: «Мама... только живи... пожалуйста, живи...»

Впереди, в черном «Майбахе», шел Багров. Десять минут пути показали Камилле вечностью в чистилище.

Малая Никитская встретила их лужами и мокрыми золотыми листьями старых лип. Двухэтажный классический особняк девятнадцатого века с арочными окнами и лепными карнизами — родовое гнездо Барских, где на первом этаже располагалась знаменитая антикварная галерея живописи — выглядел разоренным гнездом. Массивные дубовые двери были распахнуты настежь, одна створка висела на выломанной верхней петле. На тротуар из полумрака парадного входа вылетали разорванные каталоги выставок и бумажная труха.

Внедорожники затормозили с резким визгом резины, обдав гранитные тумбы веером грязной воды.

Камилла выскочила из машины еще до того, как колеса

окончательно замерли. Ледяной ветер ударил в лицо, морось мгновенно пропитала тонкую шелковую блузку, но она не чувствовала холода. Сорвав с ног одну из туфель на каблуке, она отбросила вторую и босиком по мокрому граниту ступеней взлетела в галерею.

Картина, открывшаяся ей, обожгла мозг раскаленным железом.

Центральный зал галереи, где хранились жемчужины коллекции, был разгромлен. Две стеклянные витрины с мейсенским фарфором были разбиты вдребезги — сверкающие осколки толстого хрусталя усеивали паркет елочкой. Старинный реставрационный мольберт был перевернут. В воздухе стояла удушливая смесь запахов: скипидар, льняное масло, реставрационный лак, валидол и едкая гарь дешевых папирос.

Посреди этого хаоса, на холодном полу у подножия массивной мраморной колонны, лежала Елена Павловна.

Ее мать. Пожилая женщина с благородным, исхудавшим лицом билась в судорожном, прерывистом приступе. Губы ее приобрели страшный синюшный оттенок, пальцы судорожно сжимали пластиковый флакончик с нитроглицерином, таблетки из которого рассыпались по грязному паркету.

Над ней возвышались трое.

Двое подручных — молодые мордовороты в одинаковых мокрых кожаных куртках — с гоготом пинали ногами тяжелые рамы с полотнами русских пейзажистов. Но главным был Бугай. Коренастый, жилистый ублюдок с бритым черепом, синюшными наколками на пальцах и перебитым, сплюснутым набок носом. В его правой руке тускло поблескивала тяжелая стальная монтировка с загнутым острым концом.

В этот самый момент Бугай занес монтировку над фамильной гордостью Барских — подлинником голландского натюрморта семнадцатого века Питера Класа, висевшим на

центральной стене.

— О, а вот и принцесса нарисовалась! — осклабился Бугай, повернув к Камилле налитые кровью свиные глазки. Он сплюнул табачную жвачку прямо на растрескавшийся лак рамы. — Чего разутая, красотка? На похороны матушки торопилась? Где пятнадцать мультов, которые твой хахаль Воронов занял под залог этой богадельни? Пацанчик слился на Бали с чужими бабками, а долг по расписке теперь на тебе! Время вышло, девочка. Либо наличка прямо сейчас, либо я расписываю это старье под дрова, а твою старуху мы упаковываем в багажник!

Елена Павловна на полу слабо застонала, захлебываясь воздухом:

— Камилла... беги... детка, беги...

Ужас внутри Камиллы в одну секунду выгорел дотла, оставив после себя слепящее, безумное пламя ярости.

Она не стала просить или плакать. Одним броском она подлетела к реставрационному столику, стоявшему у стены, и выхватила из металлического стакана тяжелый узкий хирургический скальпель с кованым стальным лезвием.

Развернувшись, Камилла закрыла мать и голландское полотно своим телом.

Она встала в низкую стойку, сжимая рукоять скальпеля обеими руками так, что побелели костяшки. Ее выбившиеся из узла каштановые волосы растрепались по плечам, медово-карие глаза горели чистым, беспощадным бешенством.

— Отойди от нее, тварь! — ее голос сорвался на хриплый, звенящий крик, от которого задрожали уцелевшие стекла. — Сделай один шаг — и я перережу тебе сонную артерию! Я знаю анатомию лучше, чем ты знаешь свою мать! Тронь холст или маму — ты отсюда живым не выйдешь!

Бугай на секунду опешил, глядя на сверкающее лезвие в руках хрупкой растрепанной девушки. Затем его мерзкую физиономию перекосило от глумливого хохота:

— Слыхали, пацаны? Княжна резать меня собралась! Да я тебе этот скальпель в глотку затолкаю...

Договорить он не успел.

С улицы донесся оглушительный грохот, перекрывший шум дождя. Входная дубовая дверь галереи с чудовищной силой впечаталась в кирпичную кладку коридора.

В помещение ворвались оперативники Савелия.

Четверо бойцов в черной тактической экипировке, титановых шлемах и бронежилетах действовали без криков, команд и предупредительных выстрелов. Это была безжалостная работа профессионалов высшего класса. Первый боец в прыжке снес ближнего подручного Бугая, впечатав его лицом в битый фарфор и с хрустом заломив руку за спину. Вторым оперативник нанес короткий удар кевларовой перчаткой под ребра второму бандиту — тот мгновенно сложился пополам, захлебнувшись рвотой и воздухом, и был прижат коленом к паркету.

Бугай отшатнулся назад, судорожно вскидывая монтиров-

ку обеими руками:

— Стоять, суки! У меня расписка! Я по закону...

И тут на пороге зала возник Илья Багров.

Он вошел не спеша, распахнув тяжелые полы черного кашемирового пальто Brioni. На руках мужчины были черные перчатки из тончайшей кожи. Он шел по залу тяжелым, размеренным шагом хозяина этой жизни, и толстые подошвы его ботинок с сухим, хрустящим треском давили осколки фарфора и стекла.

Вместе с ним в разрушенную галерею ворвался леденящий душу холод. Казалось, температура в помещении упала на десять градусов. Аура дикой, сокрушительной власти Багрова заполнила всё пространство от лепного потолка до плинтусов.

Бугай замер с поднятой монтировкой. Его свиные глазки расширились от животного, первобытного ужаса. Он мгновенно узнал это лицо — лицо человека, чьи службы безопасности сносили под корень целые криминальные группировки, не оставляя от них даже имен в криминальных сводках.

Кожа бандита покрылась трупной серостью, тяжелая стальная монтировка задрожала в его татуированных пальцах и со звоном выскользнула, покотившись по паркету.

— Багров?.. — прохрипел Бугай, пятясь назад, пока его спина не уперлась в стену. — Илья Константинович... Мы... мы не знали... Воронов кинул наших людей на пятнадцать лямов... Мы по расписке...

Багров даже не посмотрел на него. Его серо-стальной взгляд скользнул по Камилле, застывшей со скальпелем в руках с пылающим взором, затем опустился на лежащую на полу Елену Павловну.

Илья сделал едва заметное движение подбородком в сторону Савелия.

Начальник СБ молча шагнул вперед, достал из нагрудного кармана пиджака банковский чек холдинга и с глухим шлепком бросил его на край уцелевшего столика.

— Пятнадцать миллионов рублей, — произнес Савелий с похоронным спокойствием. — Банк подтвердил покрытие. Забирайте в счет полного погашения обязательств Воронова.

Багров подошел к Бугаю вплотную. Миллиардер возвышался над крепким бандитом на целую голову, подавляя его своей гранитной массой. Он протянул вперед руку в черной коже:

— Расписку.

Бугай судорожно, ломая ногти, полез под кожанку. Его трясущиеся, потные пальцы вытащили измятый лист бумаги с синей гербовой печатью и размашистой подписью сбежавшего Воронова.

Багров взял лист двумя пальцами. Он даже не взглянул на текст.

Медленно, глядя прямо в побелевшие зрачки Бугая, Илья разорвал документ пополам. Затем сложил обрывки вместе и разорвал еще раз — на четыре ровные части. Черная кожа

перчатки разжалась, и клочки бумаги упали в грязь под ноги бандита.

— Слушай меня внимательно, падаль, — произнес Багров. Его голос звучал негромко, но низкие вибрации баритона пробивали кости черепа. — Если ты или хоть одна собака из твоей стаи появится ближе чем на пушечный выстрел от этой девушки, от ее матери или от этого здания — я не стану вызывать полицию. Вас найдут на дне котлована моего нового портового терминала под трехметровым слоем гидротехнического бетона. Ты меня понял?

— Понял... всё понял, Илья Константинович... — забормотал Бугай, судорожно сглатывая ком в горле. — Уходим... мы уходим прямо сейчас...

— Вон, — бросил Багров.

Охрана рывком подняла двух стонущих подручных Бугая и буквально вышвырнула их в коридор. Главарь бандитов, спотыкаясь и роняя кепку, рванул следом, словно за ним гнались все черти преисподней.

В ту же секунду в распахнутые двери галереи вбежала бригада медиков в синей униформе с эмблемами закрытого кардиоцентра «Багров Мед». В руках фельдшеров были портативный кислородный концентратор, дефибриллятор и реанимационные укладки.

— Острая коронарная недостаточность, отек легких в начальной стадии, — старший врач опустился на колени рядом с Еленой Павловной, ловко накладывая кислородную мас-

ку на посиневшие губы женщины и вводя иглу катетера в вену на предплечье. — Вовремя успели. Еще десять минут — и реанимировать было бы некого. Срочно на носилки и в закрытый блок интенсивной терапии на Пироговке. Доктор Воропаев уже ждет в операционной.

Камилла рухнула на колени рядом с носилками, прямо на мокрый холодный паркет. Ее пальцы судорожно разжались — стальной скальпель со звоном ударился о пол и отлетел в сторону.

Она схватила безжизненную, холодную руку матери, прижимая ее к своим губам, и слезы — горячие, неудержимые, смывающие весь адреналиновый морок — хлынули из ее глаз:

— Мамочка... милая моя, дыши... пожалуйста, держись... всё закончилось...

Елена Павловна слабо приоткрыла затуманенные глаза. Сквозь прозрачный пластик маски вырвался слабый, прерывистый вздох. Ее слабеющие пальцы едва ощутимо коснулись щеки дочери:

— Камиллочка... жива... береги себя... спасибо... спасибо ему...

Взгляд матери на секунду скользнул мимо Камиллы — на высокую, монументальную фигуру Багрова, стоявшего над ними, как темный ангел возмездия. Илья коротко и сухо кивнул женщине:

— Вы будете жить, Елена Павловна. Мои врачи поднимут

вас на ноги за неделю.

Санитары подняли носилки и быстрым шагом понесли их к выходу, к ожидавшему реанимобилю с включенными проблесковыми маяками.

Камилла осталась сидеть на коленях посреди разгромленного зала. Ее плечи мелко вздрагивали, мокрая шелковая блузка липла к коже, босые ступни замерзли до онемения на холодном полу. Она чувствовала себя абсолютно опустошенной — словно из нее вынули все кости, оставив лишь голую, пульсирующую боль.

Тяжелый шаг за спиной заставил ее вздрогнуть.

Багров подошел к ней сзади. Его большая рука в черной кожаной перчатке легла на ее плечо. Камилла попыталась стряхнуть его ладонь; пальцы лишь плотнее сомкнулись на плече. Тепло его ладони прошило мокрую ткань, мгновенно добравшись до замерзшей кожи.

— Поднимайся, Барская, — произнес он над ее головой.

Камилла медленно, опираясь о мраморное основание колонны, встала на ноги. Ее слегка качнуло, но она удержала равновесие, упрямо вскинув подбородок. По ее щекам еще текли мокрые дорожки слез, но взгляд медово-карих глаз снова был чистым и ясным.

Илья стоял перед ней, глядя в упор своими стальными глазами. Ни капли жалости не было в этом гранитном лице — лишь холодный, расчетливый триумф хищника, загнавшего добычу в глухой угол.

— Твой долг выплачен, Камилла, — произнес он, и каждое его слово впечатывалось в ее сознание, как удар молота. — Пятнадцать миллионов за расписку твоего ничтожества Воронова. Еще по миллиону в сутки будет стоить реанимация и операция твоей матери лучшими хирургами Европы. Я дал ей жизнь. Но взамен я забираю твою.

Он протянул руку, властно взяв ее за локоть:

— Никаких протоколов. Никаких отказов. Ты принадлежишь мне до последней копейки и последней секунды этого контракта. А теперь — иди в машину.

Глава 3

Тяжелая дверь бронированного «Майбаха» захлопнулась с глухим вакуумным присосом, мгновенно отрезав все звуки внешнего мира. Камилла еще видела дождь на стекле, но больше не слышала его. Она повернулась к двери, нащупывая запертую ручку.

Камилла оказалась вжата в глубокое анатомическое кресло из темно-бордовой кожи Napra. В салоне пахло роскошью, фабричной новизной дорогого матового ясеня и тяжелым мужским селективным парфюмом — амбра, морозный бергамот и горький табачный лист. Приглушенная неоновая подсветка цвета индиго мягко очерчивала контуры переборки, за которой сидел личный водитель.

Ее тело бил мелкий, непрекращающийся озноб. Адреналиновая буря улеглась, оставив после себя ледяную пустоту и дрожь в коленях. Босые ступни утопали в мягком ворсе шерстяного ковра, пальцы рук свело от напряжения.

Напротив нее, в таком же кресле у бара, сидел Илья Багров.

Он уже снял пальто, бросив его на соседнее сиденье. Темно-серый пиджак был расстегнут, галстук ослаблен. Он сидел, широко расставив мощные ноги в идеально отутюженных брюках, вальяжно откинув голову на кожаный подголовник. В его руке тускло поблескивал тяжелый граненый бокал с янтарным односолодовым виски со льдом, но он к нему

даже не притронулся. Его серо-стальные глаза — немигающие, хищные, оценивающие — неотрывно следили за каждым вдохом девушки.

Камилла опустила взгляд на свои колени. Ее пальцы судорожно нащупали в кармане жакета старенький смартфон. Экран загорелся тусклым светом. Сердце заколотилось где-то в горле: нужно было немедленно написать адвокату их семьи, старому другу покойного отца, и коллеге по галерее. Сообщить, что ее удерживает Багров, что галерея разгромлена...

Она открыла мессенджер, дрожащими пальцами набирая первые буквы: «Дядя Боря, меня увез Багров... маму увезли на Пироговку... помо...»

Договорить мысль она не успела.

Тяжелая, обжигающе горячая мужская ладонь молниеносно накрыла ее кисть, намертво прижимая телефон к бедру.

Камилла вскрикнула от неожиданности. От прикосновения Багрова по ее руке прокатилась настоящая высоковольтная дуга — разряд жара, от которого по коже мгновенно взметнулись мурашки, а дыхание перехватило спазмом. Пальцы Ильи — широкие, стальные, с шершавой кожей подушечек — сжали ее тонкое запястье железным браслетом. Он не ломал кости, но сопротивляться этой силе было всё равно что пытаться сдвинуть руками океанский лайнер.

— Прекрати эти детские игры, Барская, — произнес он тихим, рокочущим баритоном, не меняя позы. — Никаких

адвокатов. Никаких слезливых сообщений родственникам.

— Отпустите меня! — Камилла рванула руку на себя, но лишь глубже вжалась запястьем в его железную хватку. Медово-карие глаза девушки вспыхнули яростью. — Вы не имеете права прикасаться ко мне! Вы оплатили чек добровольно! Я не подписывала ваш кабальный договор!

Багров медленно наклонился вперед. Расстояние между их лицами сократилось до полуметра. В полумраке салона его стальные глаза казались бездонными колодцами, в которых плескалась абсолютная, первобытная тьма.

— Я выложил за долги твоего ничтожества пятнадцать миллионов. — Он повернул ее запястье, заставляя посмотреть на себя. — И еще по миллиону в сутки холдинг платит за личный реанимационный бокс твоей матери. В эту самую минуту лучший кардиохирург страны готовит ее к стентированию. Один мой звонок, Барская — и аппараты жизнеобеспечения отключат, а твою мать переведут в общую палату районной больницы на окраине, где у медсестер нет даже бинтов. Ты этого хочешь?

Камилла застыла. Воздух застрял у нее в легких. Пульс под его пальцами на ее запястье бился с такой бешеной скоростью, словно птица в клетке ломала крылья о прутья.

— Вы... шантажист, — прошептала она пересохшими губами. — Вы бессердечный зверь.

— Я девелопер, птичка, — усмехнулся Багров, и в уголках его жестких губ пролегли хищные складки. — Я не раз-

брасываюсь деньгами. Ты — моя самая дорогая инвестиция за этот квартал. А я всегда требую стопроцентной отдачи от каждого вложенного рубля.

Свободной рукой он легко, словно отбирал конфету у ребенка, вынул смартфон из ее оцепеневших пальцев.

Камилла дёрнулась было вперед, но хватка на запястье мгновенно осадила ее назад в кожу кресла.

Багров отпустил ее запястье и снял заднюю крышку старенького аппарата. Вынул батарею, сдвинул фиксатор и извлек маленькую синюю сим-карту.

Посмотрев Камилле прямо в глаза, он с сухим, отчетливым хрустом переломил тонкий чип пополам.

Звук этого перелома прозвучал в тишине салона, как выстрел в упор.

— Что вы делаете?! — выдохнула она, чувствуя, как по щеке предательски покатилась горячая слеза бессилия. — Там все мои контакты! Память об отце! Номера реставраторов!

Илья даже не моргнул. Он небрежно бросил обломки сим-карты в хромированную пепельницу на центральной консоли, а сам аппарат убрал во внутренний карман своего пиджака.

— Твоя прошлая жизнь закончена, Камилла. Ни дружки Воронова, ни твои нищие дворянские воздыхатели больше не потревожат тебя звонками. Ты начинаешь с чистого листа. На моих условиях.

Он полез в карман брюк и достал тяжелый, увесистый брусок из матового черного титана. Специальный терминал правительственной связи с биометрической защитой, разработанный для топ-менеджмента холдинга. Багров положил его на колени девушки.

— Здесь ровно три контакта. Клавиша один — мой личный закрытый номер. Клавиша два — Савелий и группа охраны. Клавиша три — прямая видеосвязь с постом ординаторской твоей матери. Захочешь узнать, как бьется ее сердце — нажмешь тройку. Вздумаешь выкинуть глупость — вспомни, чьи деньги оплачивают каждый ее вдох.

Камилла дрожащей рукой накрыла холодный металл титанового корпуса. Ненависть к этому человеку сжигала ее изнутри, но под этой ненавистью пульсировал другой, куда более опасный огонь — дикий, животный трепет перед его несокрушимой силой.

— Я ненавижу вас, — прошептала она, поднимая на него горящий, заплаканный взгляд. — Ненавижу каждую минуту, что нахожусь рядом с вами.

Вместо того чтобы разозлиться, Багров подался еще ближе.

Его мощный торс навис над ней, перекрывая свет неоновой полосы. В замкнутом пространстве Maubach его присутствие стало абсолютным. Он протянул руку и властно, не терпя возражений, взял ее за подбородок.

Его пальцы — горячие, пахнущие горьким табаком и кар-

дамоном — обожгли ее нежную кожу. Он слегка сжал ее челюсть, заставляя запрокинуть голову назад.

Их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Камилла видела каждую порошинку в его серо-стальных глазах, видела темную щетину на волевом подбородке, ощущала кожей жар его ровного, глубокого дыхания. Ее губы невольно приоткрылись, ловя воздух, и внизу живота сладко и больно завязался тугой узел.

— В среду вечером ты наденешь платье, которое я прикажу, — произнес он прямо в ее губы. Его низкий шепот вибрировал на ее коже, заставляя мелкие волоски на теле вставать дыбом. — Ты наденешь изумрудное кольцо моей матери. Ты будешь улыбаться фотографам так, словно рядом с тобой стоит центр твоей вселенной. Ты будешь прижиматься ко мне, целовать меня в щеку под прицелом сотен объективов и смотреть мне в рот с собачьей преданностью. Если хоть одна падаль из газетчиков заподозрит фальшь — твоя мать отправится в морг. Ты меня поняла, птичка?

Камилла тяжело дышала. Ее грудь под тонким шелком вздымалась так часто, что ткань блузки едва заметно касалась лацкана его пиджака. Она хотела крикнуть ему в лицо проклятие, хотела укусить эти наглые, безжалостные пальцы, державшие ее подбородок, но тело словно предало ее — мышцы ослабли, по жилам разлился вязкий, одуряющий зной.

— Я... поняла вас, — сдавленно, с трудом разжимая оне-

мевшие губы, выдавила она.

— Умница, — тихо усмехнулся Багров.

Он достал второй экземпляр соглашения. Камилла потребовала вписать неприкосновенность ее спальни и запрет близости без согласия; он поставил подпись под обеими строками. Она подписала следом, удерживая лист на коленях. Двадцать миллионов гонорара остались на первой странице — сейчас ей требовалась лишь гарантия лечения матери.

Его большой палец медленно, почти интимно скользнул по ее нижней губе, очерчивая ее контур. Прикосновение было легким, но Камиллу прошибло такой судорогой, что она зажмурилась, тихо всхлипнув.

Багров отпустил ее подбородок и откинулся на спинку кресла, возвращаясь к своему бокалу.

В этот момент лимузин плавно качнулся, сбавляя ход.

За тонированными стеклами мелькнули массивные бетонные пилоны въездного пандуса башни «Багров Плаза». Машина спустилась на закрытый подземный уровень «Минус три» — секретную зону паркинга, предназначенную исключительно для владельца корпорации.

Тяжелые стальные жалюзи въездных ворот с шипением гидравлики опустились за кортежем, отрезая дневной свет и весь остальной мир с глухим, громоподобным металлическим лязгом.

Машина мягко замерла. Савелий распахнул тяжелую дверь со стороны Багрова:

— Прибыли, Илья Константинович. На этаже всё готово.

Багров вышел на гранитный пол паркинга, развернулся и протянул руку Камилле. Его ладонь ждала ее в полумраке, огромная и неотвратимая, как судьба.

— Выходи, Камилла. Твоя новая жизнь началась.

Глава 4

Приватный скоростной лифт вознес их на шестидесятый этаж за считанные секунды. Камилла даже не успела почувствовать ускорения — лишь в ушах легко щелкнуло от перепада давления, и бесшумные стеклянные створки раздвинулись, открывая вход в личные апартаменты Ильи Багрова.

Камилла оглянулась на закрывшийся лифт. Здесь даже вызвать кабину без хозяйского ключа было невозможно.

Двухуровневое пространство площадью более шестисот квадратных метров поражало безжалостным минимализмом: полы из черного бразильского сланца, винтовая лестница из тонированного бронестекла, уходящая на галерею второго яруса, колонны из полированного бетона и бесконечные, пятиметровые панорамные стены из стекла. За ними в сумерках раскинулась Москва — гигантский океан дождевой мглы и расплывающихся неоновых огней, лежащий далеко внизу, под ногами хозяина башни.

Багров шагнул в холл, небрежно бросив ключи и перчатки на мраморную консоль.

— Твоя спальня в правом крыле, последняя дверь по коридору, — бросил он, даже не обернувшись к ней. — Там отдельная гардеробная и ванная комната. Горничная принесет горячий чай и сменные вещи. Отдыхай, Барская. У тебя есть остаток дня, чтобы осознать свое новое положение.

Камилла не ответила ни слова. Сжимая в ледяных пальцах выданный титановый терминал, она быстрым, почти бегущим шагом направилась по длинному коридору, стараясь оказаться как можно дальше от этого человека.

Комната, отведенная ей, была огромной. Кровать размера king-size из массива темного американского ореха, застеленная плотным серым льном, тяжелые портьеры, собственный выход к панорамному остеклению и дверь в ванную из белого каррарского мрамора.

Но Камила даже не взглянула на роскошь убранства.

Едва переступив порог, она обеими руками с силой захлопнула массивную дубовую дверь. Ее пальцы лихорадочно, с панической спешкой ощупали дверное полотно. Рядом с ручкой поблескивал массивный латунный засов — тяжелая, винтажная задвижка с граненым ригелем, установленная, видимо, по прихоти прежних дизайнеров.

Камилла с остервенением толкнула засов. Латунь со звонким, сухим щелчком вошла в глубокий паз косяка.

Заперто.

Она прижалась спиной к холодному дереву двери и медленно, не в силах больше держаться на ногах, сползла вниз. Ее колени коснулись паркета.

Слезы, которые она сдерживала все эти страшные часы, наконец прорвали плотину. Плечи девушки затряслись в беззвучных, мучительных рыданиях. Она обхватила голову руками, кусая губы, чтобы не закричать в голос от невыносимой душевной боли.

Всё было кончено. Ее хрупкий, чистый мир реставрационных мастерских, тихих залов галереи, запахов лака и старых холстов был раздавлен в пыль. Ее предал жених — трусливый альфонс Воронов, укравший деньги и бросивший ее с больной матерью под удар бандитов. Ее мать была на грани смерти, привязанная к трубкам кардиоцентра. А сама она превратилась в крепостную девку, в живую вещь самого свирепого и безжалостного олигарха столицы, который теперь будет распоряжаться каждым ее вдохом.

Остаток дня прошел у этой двери. Камилла то проваливалась в тяжелую дремоту, то вздрагивала от гудка терминала: дежурная сообщала только, что мать готовят к перевозке. Сумерки за окном сгустились, превратившись в черную, штормовую ночь. Ливень яростно колотил в стекло, словно пытался пробить его насквозь.

Камилла поднялась с пола. Ноги затекли, голова гудела от слез.

Она подошла к изящному туалетному столику у стены, включила мягкую подсветку зеркала и взглянула на свое отражение. Тушь слегка поплыла под глазами, губы были искусаны до крови, на щеках алели пятна гнева. На столике в строгом порядке стояли шелковые полотенца и батарея хрустальных флаконов с селективным французским парфюмом, заботливо подготовленным к ее приезду.

Ее взгляд упал на тяжелый граненый флакон винтажных духов Vassarat — массивный кусок граненого горного хрусталя весом едва ли не в полкилограмма, с массивной стеклянной пробкой.

Внезапно в тишине коридора за дверью раздались шаги. Тяжелые. Размеренные. Неспешные.

Камилла застыла, ее сердце пропустило удар и заколотилось с новой силой.

Снаружи раздался тихий металлический звук: латунная ручка двери плавно опустилась вниз. Полотно на миллиметр подалось вперед и с глухим стуком уперлось в задвинутый

засов. Замок не поддался.

Наступила секундная тишина.

— Барская. Открой дверь. — Ручка снова повернулась. Камилла отступила от стола, следя за ней.

Камилла сжала кулаки, чувствуя, как внутри снова вскипает горячая, безумная ярость:

— Убирайтесь отсюда! — крикнула она, и ее голос сорвался на высокой, звенящей ноте. — По договору это соглашение фиктивно! Вы не имеете права входить на мою личную территорию! Оставьте меня в покое!

За дверью заскрипела подошва. Камилла едва успела отшатнуться: Багров ударил плечом в полотно.

Массивная латунная задвижка с оглушительным треском вырвала четыре стальных самореза из толщи дубового косяка. Дверь распахнулась настежь с громоподобным грохотом, ударившись об ограничитель у плинтуса. Щепки лакированного дерева брызнули на ковер.

На пороге спальни стоял Илья Багров.

Он уже снял пиджак и расстегнул белую рубашку до середины груди, обнажая густые темные волоски и рельеф мощных грудных мышц. Рукава были небрежно закатаны до локтей, открывая жилистые предплечья с вздувшимися венами. На его гранитном лице застыло выражение свирепого, абсолютного доминирования. Серо-стальные глаза горели холодным, беспощадным пламенем.

Камилла в ужасе отшатнулась назад, сшибая стул туалет-

ного столика.

Ее рука инстинктивно метнулась к столику, пальцы сомкнулись на тяжелой граненой шейке хрустального флакона Вассарат. Она вскинула тяжелое стекло перед собой на уровень груди, выставив его, как боевую гранату:

— Не подходите ко мне! — задыхаясь, прохрипела она.
— Клянусь, я разобью вам голову! Я не шучу! Шаг сделаете — я ударю!

Багров даже не замедлил хода. Он перешагнул через выбитые щепки косяка и пошел прямо на нее — тяжело, неотвратно, с грацией сытого тигра, вышедшего на тропу охоты.

— Ты плохо слушала меня в машине, птичка, — произнес он тихим, рокочущим баритоном, в котором вибрировала неприкрытая угроза.

Когда между ними оставалось полшага, Камилла, вложив весь свой отчаянный страх, со всей силы замахнулась тяжелым флаконом, целясь ему в висок.

Движение Багрова было молниеносным. Он даже не уклонился.

Его широкая ладонь вылетела вперед, как стальной капкан, намертво перехватив ее запястье в верхней точке замаха. Боль от резкого сдавливания сустава обожгла руку девушки, ее пальцы рефлекторно разжались. Илья второй рукой легко поймал падающий хрустальный флакон прямо на лету.

Не отпуская ее руки, он повернулся и одним движением опустил флакон на комод за ее спиной.

А затем сделал последний шаг вперед, окончательно впечатывая Камиллу в угол между стеной и панорамным окном.

Она оказалась в абсолютной ловушке. Ее спина упиралась в ледяное стекло, за которым бушевала гроза, но спереди ее намертво прижимало к себе огромное, пылающее жаром мужское тело.

Она чувствовала каждую мышцу его каменной груди, сквозь тонкий шелк своей блузки ощущала твердость его бедер, вдыхала его дыхание, пахнущее терпким табаком, бергамотом и морозной ночью.

— В моем доме нет дверей, закрытых от меня, — произнес Багров прямо в ее приоткрытые, искусанные губы.

Его голос звучал так низко, что вибрации его груди отдавались в ее собственных ребрах.

— Запомни это, Камилла. Раз и навсегда. Ты можешь запереться в душевой. Но ставить железные замки между мной и собой ты больше никогда не посмеешь. Если ты еще раз закроешь передо мной задвижку — я сниму эти чертовы двери с петель и выброшу с шестидесятого этажа. Ты меня поняла?

Глава 5

Камилла часто, прерывисто дышала. Ее зрачки расширились от дикой смеси ужаса и предательского, сладкого спазма, скрутившего ее нутро от его сокрушительной близости. Она запрокинула голову назад, упираясь затылком в стекло:

— Вы... тиран... чудовище...

— Я хозяин этого дома, — жестко усмехнулся Багров.

Его стальной взгляд скользнул по ее фарфоровому лицу, опустился к тяжело вздымающейся груди, соски которой отчетливо проступали сквозь тонкую ткань ее блузки.

Внезапно его рука поднялась. Грубый, шершавый большой палец осторожно, почти бережно коснулся мокрой дорожки слезы на ее щеке, стирая влагу.

Это прикосновение было настолько неожиданным и интимным, что Камилла судорожно вздрогнула, затаив дыхание. Ее кожу словно ошпарило кипятком.

— Завтра ровно в восемь утра сюда приедет стилист Регины Снегиревой и команда модного дома с коллекцией вечерних платьев, — не убирая пальца с ее щеки, продолжил Багров. — Тебя приведут в порядок. Сделают укладку, подберут наряд, наденут изумрудное кольцо моей матери. В среду к семи вечера ты должна выглядеть безупречно. Если ты вздумаешь устроить истерику, откажешься примерять платья или закроешься в ванной — я лично сорву с тебя этот костюм и одену своими руками. Ты меня услышала, Барская?

Камилла зажмурилась, чувствуя, как слезы снова подступают к глазам от бессильной ярости. Она посмотрела на выломанный засов. Спорить о том, способен ли он исполнить

угрозу, было поздно.

— Я... услышала вас, Илья Константинович, — сдавленно прошептала она, не открывая глаз.

— Прекрасно.

Багров медленно убрал руку с ее лица и отступил на два шага назад, разрывая удушающий физический контакт.

Камилла открыла глаза и судорожно втянула прохладный воздух, чувствуя, как дрожат ее ослабевшие колени.

Илья развернулся и направился к выходу. Камилла держалась у стекла, пока между ними вновь не оказалась вся комната. У порога спальни, глядя на разбитый косяк и свисающую щепку лакированного дерева, он остановился.

Не оборачиваясь, он бросил через плечо:

— Привыкай, Камилла. С этого дня твой воздух принадлежит мне.

Его шаги эхом прокатились по коридору и затихли в глубине пентхауса.

Разбитая дверь осталась открытой настежь. Сквозь выбитый проем в спальню тянуло прохладой огромного пустого холла. А за пятиметровым стеклом панорамы, в бескрайней черной бездне под ногами, продолжала тонуть в холодных дождевых струях ночная Москва.

* * *

Холодный рассвет просачивался сквозь пятиметровые панорамные окна спальни, окрашивая сланец пола в стальные тона.

Камилла открыла глаза задолго до щелчка климат-контроля. Сон рвался каждую четверть часа: сознание снова и снова швыряло ее во вчерашний кошмар — грохот витрин в галерее, оскал Бугая, задыхающаяся мать с облаткой нитроглицерина и сокрушительный шаг Багрова, рвущего расписку Воронова.

Она села на кровати. Дубовая дверь спальни так и стояла распахнутой настежь. Выбитый косяк с торчащими щепами и согнутыми саморезами напоминал о ночном таране. В логове Ильи Багрова не существовало преград: он стер ее личные границы одним ударом плеча.

На столике тускло блестел титановый терминал с тремя кнопками. Камилла провела пальцем по холодному металлу: ночью дежурная ответила, что мать перевозят и врач свяжется с ней утром. Теперь каждая минута ожидания казалась украденной.

Обжигающий душ в мраморной ванной смыл дорожки высохших слез, но не память о прикосновениях миллиардера. Кожа на лице все еще хранила след его пальцев, пахнувших табаком и горьким бергамотом.

«Ты отработаешь каждый рубль... Твой воздух принадлежит мне».

— Никогда, — прошептала Камилла, запахнув плотный шелковый халат цвета слоновой кости и наглухо стянув пояс на талии.

Электронные часы на панели вспыхнули зеленым: ровно

08:00.

И в ту же секунду из длинного коридора пентхауса донесся скрип колесиков и резкий, надменный женский голос:

— Быстрее заносите рейлы! Распаковывайте обувные кейсы! Господин Багров требует полной готовности через два часа!

Камилла замерла посреди спальни, скрестив руки на груди.

В разбитый дверной проем, даже не удосужившись постучать по уцелевшей створке, вкатились две хромированные передвижные вешалки, до отказа забитые полупрозрачными пластиковыми чехлами. Следом, цокая острыми шпильками по темному паркету, всплыла женщина лет сорока в строгом асимметричном смокинге цвета фуксии, с зализанным ультракоротким каре и массивными серьгами из черного акрила. За ней семенили две молоденькие ассистентки с огромными бьюти-кейсами и коробками Christian Louboutin и Jimmy Choo.

Женщина остановилась посреди комнаты, окинула взглядом выбитый косяк, скривила тонкие, накрашенные сливовой помадой губы в брезгливой ухмылке и вперила оценивающий взгляд в Камиллу.

— Доброе утро. Я Жанна, арт-директор дома «Maison de Luxe». Госпожа Регина Снегирева и Илья Константинович поручили мне лично собрать образ для вечернего выхода на благотворительном рауте.

При звуке фамилии «Снегирева» внутри Камиллы словно лопнула ледяная струна. Регина. Наследница медиа-империи, бывшая любовница Багрова, женщина, чьи телеграм-каналы методично травили холдинг со вчерашнего утра. Камилла слишком хорошо знала придворные интриги высшего света, чтобы поверить в случайность этого визита.

— Вы ошиблись адресом, Жанна, — ледяным тоном произнесла Камилла, не сдвинувшись с места ни на дюйм. — Илья Константинович может отдавать приказы своим подчиненным. Но врывать в мою спальню без стука я никому не позволяла.

Стилистка снисходительно хмыкнула, расстегивая молнию на первом чехле:

— Деточка, оставьте пафос, — скривилась Жанна. — Вас вытащили из долговой ямы, чтобы отмыть репутацию Багрова от скандала. Наша цель — сделать из вас дорогую самку, а не мышь из разорившейся богадельни.

Она театрально сорвала чехол.

Перед Камиллой предстало кричащее алое платье с вырезом до пупка и разрезом до бедра. Верх спины и бока заменяла прозрачная телесная сетка, исключавшая белье.

— Капсульная коллекция Милана, — протянула стилистка. — Полтора миллиона. Снимайте халат, снимем мерки. Мужчины слюной изойдут.

Кровь княжеского рода ударила Камилле в виски. Это была не мода — Регина Снегирева намеренно наряжала ее де-

шевой эскортницей, чтобы на губернаторском балу растоптать ее имя в таблоидах.

— Уберите это, — тихо, но так отчетливо сказала Камилла, что ассистентки Жанны испуганно замерли с открытыми кейсами.

— Что, простите? — брови стилистки поползли вверх.

— Я сказала: уберите эту вульгарную тряпку.

— Вы в своем уме?! — голос Жанны сорвался на визг. — Это высокая мода! Сам Багров утвердил бюджет на гардероб! Вы обязаны надеть то, что вам привезли! Не забывайте, кто оплачивает этот банкет, нищенка!

Камилла сделала один широкий шаг вперед.

Ее медово-карие глаза вспыхнули таким яростным, нестерпимым золотым пламенем, что Жанна невольно попятилась назад, наткнувшись спиной на штатив с вешалками. Княжеская порода Камиллы, дремавшая под строгими пиджаками протокольной службы, распрямилась в полный рост.

— Мой прадед командовал лейб-гвардией и строил консерваторию, — каждое слово Камиллы падало в тишину спальни, словно свинцовая дробь. — Мои предки танцевали на императорских балах в Зимнем дворце. А вы смеете привозить мне полиэстеровое тряпье для привокзальных шлюх и называть это модой?

Она протянула руку, вцепилась пальцами в вешалку с алым платьем и с резким треском сорвала его с перекладины.

— Эй! Что вы делаете?! — взвизгнула стилистка.

Камилла скомкала полуторамиллионный шелк в комок и с размаху швырнула его прямо в лицо Жанне. Ткань хлестнула стилистку по накрашенным щекам, сбив с носа дизайнерские очки.

— Вон отсюда, — прочеканила Камилла, толкая тяжелый хромированный рейл обеими руками. Колесики с грохотом покатались по паркету, врезаясь в угол коридора. — Забирайте свои коробки, свою краску и выметайтесь. Если через две минуты вы все еще будете находиться на этом этаже, я лично спущу ваши чемоданы в мусоропровод.

— Вы... вы сумасшедшая! — Жанна судорожно ловила ртом воздух, прижимая к груди помятый красный шелк. — Я немедленно доложу Регине! Я скажу Багрову, что вы сорвали подготовку!

— Кому ты собралась докладывать, Жанна?

Глава 6

Низкий, рокочущий бас, прозвучавший из глубины холла, заставил воздух в помещении мгновенно застыть.

Ассистентки стилистки синхронно пискнули и вжались в стену. Жанна побледнела так, словно с нее живьем содрали кожу.

В дверном проеме, перешагивая через выбитую щепу косяка, появился Илья Багров.

Он был не в костюме. На нем были свободные темно-серые брюки из мягкой шерсти и объемный черный свитер крупной вязки с небрежно закатанными до локтей рукавами. Обнаженные предплечья бугрились канатами сухих мышц, по смуглой коже змеились темные вены. Широкие плечи казались еще массивнее в утреннем свете. На гранитной челюсти темнела суровая двухдневная щетина, а в серо-стальных глазах клубилась опасная, первобытная тьма.

В левой руке он небрежно держал плоский продолговатый футляр из темно-зеленого потертого бархата.

— Илья Константинович... — залепетала Жанна, судорожно поправляя сползшие очки. — Мы приехали вовремя, как вы распорядились... Но эта девушка... она абсолютно неуправляема! Она швыряет платья, оскорбляет наш модный дом, отказывается примерять утвержденный госпожой Снегиревой фасон! Посмотрите, что она сделала с эксклюзивом!

Багров даже не скользнул взглядом по скомканному алому платью. Его тяжелый, немигающий взгляд уперся в Камиллу.

Она стояла посреди комнаты — босая, в глухо запахнутом халате цвета слоновой кости, с распущенными влажными волосами, тяжело дышащая, готовая защищаться до последней капли крови. Ни тени страха. Ни единого жеста покорности. Уголок жестких губ Багрова едва заметно дернулся вверх. — Заткнись, Жанна, — негромко произнес он, но от звука

его голоса задрожали хрустальные флаконы на комодѐ.

— Но...

— Пошла вон. Ты и твои девки.

Стилистка застыла с открытым ртом:

— А как же... образ? Платья?

— Забирай всё это барахло и проваливай, — Багров сделал полшага вперед, и Жанна отшатнулась, словно от надвигающегося товарного поезда. — И передай Регине: если я еще раз увижу ее стилистов возле этой двери без моего личного письменного распоряжения, холдинг «Снегирев Медиа» к вечеру потеряет все рекламные контракты с девелоперами столицы. Свободны.

Стилисток сдуло ветром: ассистентки подхватили кейсы, Жанна выволокла вешалки, и створки лифта с гулом захлопнулись.

В пентхаусе воцарилась тишина.

Багров шагнул в спальню, ногой прикрыв разбитую дверь:

— Бунтуешь, Барская? Вышвыриваешь стилистов за полтора миллиона?

Камилла вскинула подбородок:

— Делать из меня светскую содержанку на потеху вашей бывшей любовнице я не позволю. Мое имя принадлежит княжескому роду, а не эскорту. Хотите куклу в алом — возвращайтесь к Регине.

Она ждала вспышки ярости. Но Багров лишь усмехнулся — темно и хищно.

— Регина — пройденный этап. И ее девки здесь больше не появятся, — он подошел ближе. Расстояние между ними сократилось до полуметра. От него пахло свежим ветром с террасы, крепким кофе и чистым, горячим мужским телом. — Ты права, птичка. Алый цвет — для дешёвок, пытающихся привлечь к себе взгляд в полутемном баре. Тебе он не нужен.

Он поднял бархатный футляр и с сухим щелчком открыл латунную защелку.

Камилла невольно опустила глаза — и дыхание застряло у нее в горле.

На черном шелковом ложе покоилось кольцо. Массивное, выполненное из матового белого золота старинной чеканки. Десятки чистейших бриллиантов старой европейской огранки оплетали семь гигантских каплевидных колумбийских изумрудов. Камни не просто сияли — они горели глубоким, темным, бархатным зеленым огнем, словно вобравшим в себя свет вековых дубрав.

Камилла, как профессиональный искусствовед и эксперт по антиквариату, оцепенела. Руки ее невольно дрогнули:

— Боже мой... Это же... Карл Болин. Мастерские придворного ювелира, тысяча девятьсот двенадцатый год. Парюра великой княгини...

— Верно, — тихо произнес Багров. В его голосе впервые не было циничной насмешки. — Единственная фамильная вещь, которую моя мать смогла спасти, когда в девяностые

у отца отжимали первый завод. Она хранила его до самой смерти. Я поклялся, что это кольцо наденет только та женщина, которая будет стоять рядом со мной на вершине.

Камилла отшатнулась на полшага, поднимая на него испуганный взгляд:

— Я не могу это надеть. Это безумие! Это музейная реликвия, она стоит целое состояние! И... это память о вашей матери. Наш договор фиктивен! Вы не имеете права отдавать мне семейные драгоценности!

— Я сам решаю, на что имею право, — отрезал Багров. Его тон снова стал твердым, как базальтовая плита. — Повернись к зеркалу.

— Нет!

— Барская, не заставляй меня применять силу. Повернись.

Его взгляд был настолько не терпящим возражений, что Камилла, чувствуя, как предательски подкашиваются колени, медленно повернулась к высокому трюмо.

В зеркале она увидела свое отражение: бледная, с пылающими щеками, в простом шелковом халате. И за ее спиной — возвышающаяся громада Багрова. Его плечи полностью перекрывали обзор комнаты.

Илья извлек тяжелое кольцо из футляра. Камни отозвались на движение глухим зеленым всполохом.

Он шагнул вплотную. Его грудь почти коснулась ее спины. Камилла ощутила жар его тела сквозь тонкую ткань своего

халата, и волосы на ее руках встали дыбом.

Его пальцы — широкие, горячие, с короткими чистыми ногтями — коснулись ее шеи. Он не торопился. Медленным, осторожным движением он отвел тяжелую волну ее влажных каштановых волос в сторону, обнажая нежную, фарфоровую линию шеи и левое плечо.

Прикосновение его заглубившейся кожи к ее обнаженному телу обожгло Камиллу, словно разряд тока. Она судорожно втянула воздух сквозь зубы, ее плечи дернулись.

— Стой смирно, — шепнул он прямо ей в затылок.

Его дыхание овеяло ее влажную кожу. Он опустил тяжелое ожерелье ей на ключицы. Ледяной металл и холодные грани изумрудов обожгли впадинку между ключицами, вызвав новую волну озноба. Но этот холод длился лишь секунду — камни мгновенно начали нагреваться от жара ее кожи.

Багров свел концы цепочки у основания ее шеи. Его пальцы запутались в коротких завитках ее волос. Он возился со сложным винтажным замком, и каждое случайное касание его костяшек пальцев к ее шее отзывалось внизу живота Камиллы тягучим, пугающим спазмом. Пульс на ее сонной артерии бился так бешено, что Илья не мог этого не чувствовать.

Сухой щелчок золотого замка возвестил о завершении работы.

Но Багров не отошел.

Его огромные ладони плавно опустились на ее плечи, сжи-

мая их с властной, неодолимой силой. Он наклонился вперед, его двухдневная щетина коснулась ее щеки, царапая нежную кожу. Его лицо оказалось в сантиметре от ее лица. В зеркале их глаза встретились: ее расширенные, медово-карие, полные смятения и бунта, и его — серо-стальные, тяжелые, полные темного, собственнического голода.

— Изумруды оттеняют золото твоих глаз, птичка, — его низкий голос вибрировал у самого ее уха, проникая под кожу, заставляя замирать сердце. — Завтра вечером ты наденешь темно-изумрудное платье в пол. Плотный шелковый креп. Закрытое горло, длинные узкие рукава. Никаких декольте. Но спина будет открыта до самой поясницы. Ты пойдешь под руку со мной, как королева. А эти светские гиены пусть захлебнутся собственной желчью.

Камилла смотрела в зеркало на кольцо, полыхавшее на ее бледной коже, и чувствовала тяжесть его рук на своих плечах. Она подняла руку к замку, но встретила в зеркале взгляд Багрова и остановилась. Он заметил это движение; его ладони стали тяжелее.

— А теперь приведи себя в порядок, — Багров отпустил ее плечи, отступая на шаг назад и разрывая удушающий контакт. — Через десять минут жду тебя на кухне. Завтрак на столе.

Он развернулся и вышел, оставив за собой запах морозного утра, терпкого бергамота и невыносимого напряжения.

Глава 7

Вернувшись к туалетному столику, Камилла дрожащими пальцами попыталась нащупать скрытую защелку замка. Но тонкий золотой язычок старинного изделия Болина сидел в пазу намертво. Без специального ювелирного пинцета или посторонней помощи расстегнуть его было невозможно. Тяжелые холодные изумруды лежали на ключицах, словно клеймо.

Сжав зубы, она подошла к уцелевшим коробкам нейтральной капсулы, которые стилисты успели занести первыми. Камилла принципиально выбрала самые закрытые и простые вещи: тонкий кашемировый джемпер цвета топленого молока с высоким воротом и прямые шерстяные брюки графитового оттенка. Джемпер скрыл цепочку колье, но крупный центральный изумруд все равно отчетливо угадывался под мягкой вязкой тяжелым бугорком.

Камилла собрала каштановые волосы в тугой гладкий узел на затылке, заколола их простой костяной шпилькой и сделала глубокий вдох. Нужно было выходить. Прятаться в спальне значило признать слабость, а перед Багровым показывать слабость было смертельно опасно.

Она вышла в коридор и направилась в центральное пространство пентхауса.

Кухня-гостиная поражала масштабом. Огромный остров из монолитного черного бразильского сланца длиной метров шесть разделял зону готовки и столовую. За панорамным остеклением расстилалась утренняя Москва, затянутая легкой сизой дымкой: внизу ползли бесконечные цепочки ма-

шин, а здесь, на высоте птичьего полета, царила безмолвная, величественная тишина.

Илья Багров сидел во главе сланцевого острова на высоком барном стуле из темной седельной кожи.

Он не сменил свитер, лишь закатал рукава еще выше, обнажая мощные локти. Перед ним дымилась тяжелая керамическая чашка с черным двойным эспрессо, а на полированном сланце лежал ультратонкий планшет. На экране с бешеной скоростью обновлялись графики биржевых торгов, зеленые и красные полосы индексов и лента новостей Bloomberg. Багров скользил по экрану пальцем, его гранитный профиль был сосредоточен и резок, брови сдвинуты к переносице.

На противоположном конце острова, метрах в трех от него, был сервирован завтрак на одну персону: тарелка из тончайшего мейсенского фарфора с пышным омлетом, посыпанным свежим тархуном и шнитт-луком, плетеная корзинка с теплыми миндальными круассанами, высокий стакан свежавыжатого апельсинового сока и большая чашка капучино с плотной шелковистой пенкой.

От еды исходил умопомрачительный аромат. Желудок Камиллы, пустой со вчерашнего утра, предательски сжался, но она усилием воли подавила голодный спазм.

Она подошла к острову, но не села, а осталась стоять, скрестив руки на груди и сохраняя максимальную дистанцию:

— Доброе утро, Илья Константинович.

Багров не поднял головы от планшета. Его палец смахнул очередную строку отчета:

— Садись, Барская. Ешь. Твой омлет остывает.

— Я не голодна, — сухо ответила она.

— Мне повторить то, что я сказал в спальне? — Он отложил планшет; голодный спазм свел ей желудок, и Камилла еще крепче скрестила руки. — Ты бледна, как полотно на реставрационном подрамнике. Твои руки дрожат. Если ты упадешь в обморок на приеме, Регина и Краснов растреляют по всем каналам, что я держу невесту в подвале без еды и воды. Мне не нужны эти дешевые заголовки. Садись и пей сок.

Камилла медленно выдвинула тяжелый стул на самом краю острова и опустилась на кожу сиденья. Но к приборам не прикоснулась.

— Я сяду. Но есть ваши подачи я не стану до тех пор, пока вы не ответите на один вопрос.

Илья наконец оторвался от экрана. Его серо-стальные глаза медленно, тяжело уперлись в лицо девушки. Взгляд хищника, привыкшего, что при его появлении топ-менеджеры замирают по стойке смирно.

— Слушаю.

— Где моя мать? — голос Камиллы зазвенел, сдерживаемая боль и страх прорвались наружу. — Вчера ваши бойцы затолкали ее в реанимобиль и увезли. Вы сломали мою сим-карту, заперли меня здесь, выдали бесполезный кусок титана. На третьей кнопке отвечают, что ее перевозят. Из вашей-

го кардиоцентра она уже выбыла. Куда вы ее отправили? В каком она состоянии? Жива ли она вообще?!

Она выпалила это на одном дыхании, сжимая край каменной столешницы так, что побелели костяшки пальцев.

Багров молча смотрел на нее несколько секунд. На его лице не дрогнул ни один мускул. Затем он неторопливо сделал глоток обжигающего эспresso, поставил чашку на блюдце и взял в руки планшет.

Не говоря ни слова, он провел пальцем по экрану, сворачивая графики биржи и запуская защищенное приложение закрытой видеосвязи. Нажал кнопку вызова.

Раздался мягкий, мелодичный гудок. Через три секунды экран мигнул, разворачивая изображение высокого разрешения.

Камилла подалась вперед, затаив дыхание.

Перед ней предстала просторная, залитая мягким утренним светом палата. Стены приятного фисташкового оттенка, за широким панорамным окном виднелись темно-зеленые шапки альпийских елей, зеркальная гладь озера и ослепительно-белые заснеженные пики далеких гор.

На высокой функциональной кровати с белоснежным сатиновым бельем полулежала Елена Павловна Барская.

На ней был мягкий кашемировый кардиган цвета лаванды. Лицо матери, вчера еще серое от удушья и смертельного страха, заметно порозовело. Никаких кислородных масок — лишь тонкая прозрачная канюля у носа. Рядом с кроват-

тью стоял подтянутый седовласый мужчина в безупречном белом халате и очках в тонкой золотой оправе, делавший пометки в электронном планшете.

— Камиллочка! Девочка моя! — раздался из динамика родной, живой голос матери.

Камилла судорожно вскрикнула, прижав ладони к губам. Слезы мгновенно застлали глаза:

— Мама!.. Боже мой, мама! Где ты?! Что с тобой?!

— Милая, не волнуйся, ради бога! — Елена Павловна слабо улыбнулась в камеру, и в ее глазах блеснули слезы радости. — Я в Швейцарии, доченька. Клиника «Хирсланден», пригороды Цюриха. Нас привезли сегодня ночью специальным санитарным бортом! Врачи здесь просто волшебники... Господин Багров прислал за мной целую реанимационную бригаду. Профессор Шнайдер говорит, что криз купирован, завтра проведут коронарографию, а операцию на клапане назначили уже на следующий вторник!

Стоявший рядом врач поднял взгляд на камеру и на чистом английском с мягким немецким акцентом произнес:

— Доброе утро, мисс Барская. Подтверждаю слова вашей матушки. Гемодинамика полностью стабилизирована. Все препараты последнего поколения введены. Мы сделаем операцию на высшем европейском уровне. Господин Багров открыл неограниченный медицинский депозит, никаких поводов для беспокойства нет.

— Мама... — прошептала Камила, чувствуя, как по ще-

кам текут крупные, горячие слезы. Ее голос дрожал. — Тебе... тебе правда не больно?

— Мне так спокойно, милая, как не было уже много лет, — тихо ответила мать. — Илья Константинович звонил профессору лично среди ночи, контролировал каждую деталь перелета. Доченька... ты нашла настоящего мужчину. Храни вас Господь.

Багров протянул руку и коротким касанием сенсора прервал соединение. Экран планшета погас.

В огромной кухне повисла абсолютная, оглушительная тишина.

Камилла сидела неподвижно. Слезы облегчения капали с ее подбородка на светлый кашемировый джемпер, разбиваясь о ткань темными пятнами. Тяжелый каменный пресс, давивший ей на грудь последние сутки, раскололся. Мать была жива. Мать была в безопасности, в одной из самых дорогих кардиологических клиник планеты, под присмотром светил европейской медицины.

Но цена... Боже, какая за это была заплачена цена.

Скрипнул стул. Багров поднялся во весь свой огромный рост.

Его шаги по сланцевому полу были бесшумными и тяжелыми. Он обошел длинный кухонный остров и остановился прямо за спиной Камиллы.

Она почувствовала его приближение за секунду до того, как его ладони опустились на край столешницы по обе сто-

роны от ее кресла, намертво блокируя любые пути к отступлению. Он навис над ней, накрывая ее своей тенью. От него веяло жаром, силой и непреклонной властью.

— Убедилась? — негромко спросил он. Его рокочущий баритон вибрировал у самого ее виска. — Твоя мать в лучших руках континента. Через две недели ее сердце будет работать как швейцарские часы.

Камилла медленно повернула к нему заплаканное лицо. Ее медово-карие глаза блестели от влаги, ресницы слиплись, губы дрожали:

— Зачем?.. — выдохнула она хриплым, сорванным шепотом. — Зачем вы это сделали, Багров? Санитарный борт в Цюрих... депозит в сотни тысяч франков... элитная палата... Наш контракт стоил двадцать миллионов рублей. Вы потратили на мою мать больше половины этой суммы за одну ночь! Зачем? Чтобы еще крепче затянуть петлю на моей шее?

Илья смотрел на ее мокрое от слез лицо. В его серо-стальных глазах не было привычной ледяной насмешки. Там горело нечто другое — глухое, мрачное, не признающее полу-мер.

Он медленно поднял правую руку. Его широкий, загру-бевший большой палец осторожно, почти невесомо коснулся ее щеки, стирая соленую дорожку слезы. Прикосновение было неожиданно бережным, но от этого контраста с его колоссальной физической мощью сердце Камиллы пропустило

удар и забилося с утроенной силой.

— Потому что я не играю в мелкие игры, Барская, — произнес он, и каждое его слово отпечатывалось в ее сознании. — Если ты выходишь со мной под камеры и называешься моей невестой, ты не можешь быть должницей привокзальных ублюдков, а твоя мать не должна умирать в коридоре районной больницы. То, что принадлежит мне — пусть даже по контракту, пусть даже на три месяца, — получает лучшее. Моя женщина неприкосновенна. И никто в этом городе не посмеет бросить в тебя камень, не рискнув остаться без головы.

Камилла замерла, глядя в его немигающие глаза. Воздуха в легких катастрофически не хватало. «Моя женщина». Эти слова прозвучали не как фигура речи — они прозвучали как приговор, как клеймо, выжженное каленым железом.

Багров убрал руку с ее лица, взял с плетеной корзинки еще теплый миндальный круассан и властно вложил его в ее онемевшие пальцы:

— А теперь ешь, птичка. И пей сок. Мне на завтрашнем приеме нужна королева, а не полуобморочный призрак.

Камилла опустила глаза на выпечку. Руки все еще слегка подрагивали, но внутри нее впервые за эти бесконечные сутки поселилось странное, неизведанное чувство. Она отломил край круассана и проглотила первый кусок. Только теперь поняла, насколько голодна. Багров молча придвинул сок, и это простое движение окончательно сбilo ее с толку.

Глава 8

День протек в лихорадочном напряжении.

Чтобы не оставаться наедине с собственными мыслями и не сталкиваться с Багровым, Камилла поднялась на второй ярус пентхауса — в открытую галерею библиотеки. Сидя за массивным стеклянным столом среди стеллажей с редкими фолиантами по архитектуре и праву, она методично штудировала списки гостей завтрашнего губернаторского бала.

Шестьсот персон. Федеральные министры, послы стран Азиатско-Тихоокеанского региона, главы госкорпораций, акулы девелопмента и светская хроника первой величины. Камилла выучила наизусть биографии ключевых британских инвесторов из фонда «North-Sea Capital», расписала тайминг прибытия кортежей и протокольные тонкости приветствий. У третьего гостя оказался неверный титул; Камилла исправила его и сверила следующую карточку. Здесь ошибку можно было найти и устранить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.